

Обоснование различия между реальным и интенциональным бытием в онтологии Романа Ингардена

Д.Р. Штыков

Статья посвящена рассмотрению тезиса об отличии реального бытия от интенционального в формальной онтологии Романа Ингардена. С этой целью в работе представлен сравнительный анализ Ингардена «основной формы» реальной предметности и «двойкой структуры» интенционального объекта. Также рассматриваются связанные с конституцией реальных и интенциональных предметностей «формальные моменты»: формальная простота/сложность, полная определенность/участки неопределенности, замкнутость/открытость, завершенность/незаконченность. На основе этого анализа Ингарден делает вывод, что формальное различие между реальным и интенциональным существованием подтверждает ранее выдвинутый в рамках экзистенциальной онтологии тезис о наличии между данными типами существования также бытийного отличия, связанного с их экзистенциальным устройством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: формальная онтология, основная форма, двойкая структура, формальные моменты, участки неопределенности.

ШТЫКОВ Дмитрий Романович — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

Аспирант кафедры истории зарубежной философии.

dshtikov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Цитирование: *Штыков Д.Р.* Обоснование различия между реальным и интенциональным бытием в онтологии Романа Ингардена // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 185–195.

В письме Эдмунду Гуссерлю от июля 1918 г. Роман Ингарден перечислил несколько критических замечаний, затрагивавших вопрос об отношении между реальным бытием и чистым сознанием. Главная претензия Ингардена сводилась к тому, что Гуссерль, по его мнению, проигнорировал сущностное отличие реального бытия от интенционального, полагая, что между ними не имеется никаких экзистенциальных и формальных различий. В итоге это позволило ему в работе «Идеи I» сделать вывод, что реальность есть всего лишь зависимое от чистого сознания интенциональное бытие, то есть существование «для» сознания. Ингарден же считал, что хотя реальная предметность и может быть представлена в качестве «интенционального объекта», однако это не затрагивает ее сущности. Обладающая реальным бытием вещь может существовать даже в том случае, если не является интенцией какого-либо акта сознания. То, что она в каких-то случаях представляется как интенциональный предмет, не имеет для ее бытия никакого принципиального значения. Реальное существование, утверждал Ингарден в том же письме, есть «бытие в себе», бытие, которое по

своей природе является «завершенным» и «полностью определенным». Приводя данные критические замечания, Ингарден с позиции на тот момент еще только разрабатываемого им онтологического реализма впервые выступил против «трансцендентального поворота» Гуссерля и превращения феноменологии в «трансцендентальный идеализм».

Вопрос, который предстоит рассмотреть в этой статье, звучит так: «Можно ли отождествить форму чисто интенционального предмета с формой реального предмета или же она (форма интенционального предмета. — Д.Ш.), напротив, указывает на такие особенности, которые были бы невозможными в случае реальных предметов» [Ingarden 1964–1965, 174]. Решению этой проблемы был посвящен ряд работ, среди которых «О литературном произведении» (1931 г.), «О формальном построении индивидуальных предметов» (1935 г.), а также второй том главного сочинения под названием «Спор о существовании мира» (1948 г.), содержащий в себе рассуждения по формальной онтологии. (Отношение между реальным и интенциональным бытием в философии Ингардена рассмотрено в статье [Штыков 2016], где разобраны основные понятия и положения онтологической теории Ингардена, а также вопрос об отличии реального бытия от интенционального на уровне экзистенциальной онтологии.) Одна из главных задач формально-онтологического исследования, согласно Ингардену, состоит в ответе на вопрос, «не нуждаются ли модусы бытия или даже отдельные экзистенциальные моменты в соотношении их с определенной, характерной для них формой» [Ibid., 58]. Это требование связано с тезисом о взаимосвязи между способом существования и формальной структурой предметности и указанием на отличие одних типов предметов от других по ряду экзистенциальных, формальных и материальных признаков. «Различение разных модусов бытия указывает на различие типов предметностей. Однако значение и пределы этого различения между данными типами предметностей становятся очевидными только тогда, когда их анализ осуществляется при помощи фундаментальных понятий материи и формы» [Tymieniecka 1976, 272]. Таким образом, чтобы продемонстрировать несводимость реального существования к интенциональному, необходимо проделать — помимо экзистенциального исследования, составившего содержание первого тома «Спора», и материального анализа, который, к сожалению, так и не был закончен Ингарденом, — еще и формально-онтологическую работу. Именно она должна показать принципиальное отличие формального устройства реальной предметности от интенциональной.

Следует сказать несколько слов о том, что понимает Ингарден под «формой» и «материей», поскольку они являются центральными понятиями, позволяющими отнести ту или иную предметность к определенной категории вещей. Ингарден трактует их в формально-онтологическом смысле, отличая, с одной стороны, от аристотелевского подхода, где форма есть нечто «определяющее как таковое» (*das Bestimmende als solches*), а частными случаями являются следующие значения: форма как а) свойство чего-либо; б) природа чего-либо; в) сущность чего-либо. Материя, в свою очередь, может пониматься как: а) нечто лишенное всякого определения, однако подлежащее определению; б) нечто подлежащее определению (частным случаем здесь будет значение материи как качественно определенного согласно своей природе субъекта свойств). С другой стороны, онтологические понятия формы и материи отличаются от так называемого «реляционно-технического» истолкования, когда форма представляет собой упорядоченность частей (материи) целого. В итоге в качестве формально-онтологических эти две категории определяются таким образом, что форма понимается как «в себе бескачественное определение чего-либо» (*das in sich unqualitative Bestimmen von etwas*), и в ней могут находиться качества; материя, напротив, есть нечто качественное в самом широком смысле слова (*das Qualitative im weitesten Sinne*), «наполняющее форму чистое качество» [Ingarden 1964–1965, 12]. Форма и материя связаны друг с другом так, что материя как нечто качественное (*das Qualitative*) в широком смысле слова определенным образом «стоит» в форме как радикально бескачественном. Материя есть то, что наполняет «пустую» форму, и наоборот, форма есть то, что придает этой материи определенную оформленность. Можно также сказать, что формальная онтология занимается изучением формального

устройства предметности, а материальная изучает то, как эта формально «пустая» структура заполняется различными материальными качествами. В результате этого, отмечает Ингарден, предмет всегда дан как единство формы и материи, а также присущего ему способа бытия. «В индивидуальном объекте все эти аспекты или “моменты” согласуются между собой, чтобы образовать единство и конкретную идентичность объекта» [Swiderski 1975, 82]. Говоря об отношении между формой и материей, необходимо иметь в виду, что не существует формы, которая не была бы формой материи, и наоборот, не существует неоформленной материи. Всякое сущее, соответственно, есть сущностное единство бытия, формы и материи. Наконец, форма, добавляет Ингарден, также может быть названа «аналитической» или «категориальной» формой предмета. Частным случаем данной формы выступает форма как определение чего-либо (*das Bestimmen von etwas*) и форма как субъект (субстанция, носитель) определений. Следовательно, именно формально-онтологическая форма реальных и интенциональных предметностей должна стать предметом дальнейшего анализа.

Начать предлагается с разговора о структуре реального объекта, под которым Ингарден понимает индивидуальный, существующий во времени, бытийно автономный и изначальный предмет. Первое, что требуется сделать, — это провести различие между понятиями «субъект свойств», «свойства» и «конститутивная природа». Вместе они составляют предметную структуру реальной предметности. Также к ней относятся так называемые «формальные моменты», в числе которых «полная определенность» (*die Vollbestimmtheit*), «завершенность» (*die Abgeschlossenheit*), «простота» (*die Einfachheit*) строения и «ограниченность» (*die Abgegrenztheit*), или «замкнутость» (*die Verborgenheit*). Рассмотрим каждое из этих понятий более подробно.

Обычно считается, что познание предмета в первую очередь сосредоточено на его свойствах. К примеру, он может обладать конкретным цветом, определенной массой и размерами и т.д. Однако предмет не является лишь многообразием случайных свойств. Так, мы всегда видим оформленную определенным образом вещь. В результате этого для познания предмета недостаточно перечислить его свойства. Также необходимо указать на форму, позволяющую ему эти свойства иметь. Как подчеркивает Ингарден, всякий индивидуальный предмет имеет форму, которую можно описать как «непосредственный, качественно определенный субъект свойств» (*das unmittelbar qualifizierte Subjekt von Eigenschaften*). В этих качествах, по его словам, вещь «выражает» и «проявляет» себя. Будучи выражением предмета, взятые вместе свойства оказываются тождественными с ним, хотя и не исчерпывают собой всего того, чем он является. В материальном отношении каждое из них по отдельности является лишь *частичным* проявлением субъекта. «Основополагающая структура» реального предмета, таким образом, состоит из связанных между собой сущностным образом и дополняющих друг друга форм: «субъект свойств» и «свойство чего-либо». Каждая из них может быть схвачена только в качестве коррелята данного формального отношения: «...свойство как то, чем “обладает” предмет (как и субъект свойств) <...> (в чем он выражен), и субъект как то, чему “принадлежат” свойства, как то, что через них “определяется”» [Ingarden, 1964–1965, 65]. В этом смысле они являются несамостоятельными и взаимодополняющими моментами «основной формы» предметности.

Далее, хотя с формальной точки зрения каждое из свойств представляет собой нечто противоположное субъекту, в то же время данный субъект как их носитель образует, так сказать, тождественную «точку пересечения» всех свойств, из которой они «проистекают» и на которую указывают; Ингарден подчеркивает, что они все являются определениями соответствующего субъекта (соответственно, предмета). В результате этого качества как свойства одного и того же субъекта связаны друг с другом двояким образом: непосредственно между собой и опосредованно — через их носитель. Кроме того, сам факт, что в формальном плане субъект свойств в индивидуальном предмете является тождественной и единственной «точкой пересечения» всех принадлежащих ему свойств, выражается еще и в том, что в материальном отношении он обладает «индивидуальным, непосредственным материальным определением». Данное определение Ингарден называет «конститутивной природой» предмета,

противопоставляя ее как всей совокупности предметных свойств, так и каждому из них по отдельности. Конститутивная природа «пронизывает» и «охватывает» все бытие предмета. Вследствие этого всякий индивидуальный предмет в основе своей определяется собственной конститутивной природой. Другими словами, предмет постигается как то, что он есть согласно его природе, которая указывает на целостность, а не на отдельно принадлежащие ему свойства, отсылая к конкретному единству, а не к некоторой совокупности качеств. Это единство выражается в «качестве» (материи), которое «охватывает» предмет целиком, полностью его «пронизывая» и одновременно с этим наиболее полным образом «определяя» и «представляя» его. Эта «материя», по словам Ингардена, и называется «конститутивной природой» реального предмета. «Она есть то, что “конституирует” предмет, в чем он именно как субъект свойства “воплощается”, “представляется”» [Ibid., 78].

В отличие от этого перечисление отдельных свойств предмета не позволяет постигнуть то, что он представляет собой по своей природе. И хотя «в каждом из свойств предмета есть нечто от него самого», однако ни по отдельности, ни взятые вместе они не в состоянии, пишет Ингарден, стать его выражением в целом [Ibid., 92]. В них он проявляется лишь частично, в каких-то отдельных аспектах. Поэтому они никогда не способны полностью выразить предмет в его непосредственной целостности. «Быть» исходя из собственной конститутивной природы и «существовать-как» через то или иное свойство — это принципиально разные, хотя и связанные между собой вариации бытия предметности, полагает Ингарден.

Таким образом, в отношении конститутивной природы индивидуального предмета можно сделать следующие выводы. Во-первых, конститутивная природа должна полностью определять субъект, следовательно, предмет. Она является сущностно имманентной, качественной определенностью предметности. Во-вторых, составляющий природу момент (материя конститутивной природы) должен быть качественно самостоятельным, далее неразложимым. В-третьих, конститутивная природа — в отличие от свойств — является *уникальной*. То есть всякий индивидуальный, экзистенциально автономный предмет обладает одной-единственной природой.

Что касается самих свойств, то они как по отдельности, так и вместе взятые, «определяют» предмет в отношении его деталей, в результате чего речь идет не просто о какой-то вещи вообще, но о конкретном предмете. Свойства обладают внутри себя собственной *материей* (качественным моментом), которая стоит в форме «быть определенным чего-либо». Вместе с тем всякое свойство предмета является в бытийном плане несамостоятельным. Несамостоятельное бытие, по Ингардену, характеризуется тем, что предметности, в данном случае свойству, для существования требуется бытие другой предметности, а именно наличие предмета как субъекта (носителя) свойств. Поэтому не существует такого свойства, которое не принадлежало бы какому-либо предмету. При этом необходимо различать разные виды экзистенциальной несамостоятельности между субъектом и его свойствами. Так, к примеру, тот факт, что свойство по отношению к предмету, которому оно принадлежит и который определяет, является несамостоятельным, может быть обусловлен формой самого свойства и указывает на определенный субъект свойств согласно его конститутивной природе. Данная несамостоятельность свойства по отношению к предмету является *однозначной* и *сингулярной*, между тем как несамостоятельность предмета по отношению к свойству отличается *многозначностью* и *плюральностью*. Предмет только по отношению к тем свойствам считается несамостоятельным, которые по своим материальным качествам являются несамостоятельными относительно соответствующей природы предмета. В противном случае не существует никакой материально определенной несамостоятельности предмета касательно его собственных свойств.

В итоге, делает вывод Ингарден, говоря о предмете и его свойствах, следует иметь в виду, что «...формально самостоятельным является исключительно изначальный, индивидуальный, экзистенциально автономный предмет, а именно только лишь в совокупности свойств, которые ему принадлежат. Он является в первую очередь бытийно самостоятельным *целым*, которое возникает из совместного наличия множе-

188

ства различных, относительно друг друга несамостоятельных моментов» [Ibid., 91]. Фундированная в этой форме бытийная самостоятельность реального предмета становится выражением того обстоятельства, что принадлежащие ему несамостоятельные моменты больше не требуют формальной и материальной дополняемости (die Ergänzungsbedürftigkeit). При целостном рассмотрении свойства как несамостоятельные моменты предмета формально и материально дополняют друг друга в рамках единого целого. Хотя предмет и может скрывать в себе различные несамостоятельные свойства, но в то же время он — благодаря их формальной и материальной взаимодополняемости — «...составляет сущностное единство и в этом смысле является “индивидуальным” предметом» [Ibid., 103]. «Обратной стороной бытийной несамостоятельности свойств предмета является его неделимость на отдельные свойства» [Ibid]. Изначальный и бытийно автономный индивидуальный предмет возникает в результате «срастания» (die Verwachsung) несамостоятельных свойств в единое самостоятельное целое. Поэтому по своей формальной сущности, заключает Ингарден, реальный предмет есть «concretum».

Наконец, чтобы завершить описание формального устройства реальной предметности, необходимо упомянуть о еще нескольких ее особенностях. Выше было сказано, что свойства представляют собой частичное определение (eine Teil-Bestimmung), частичное выражение (eine Teil-Ausgestaltung) вещи, которой они принадлежат. Однако, будучи чем-то *определяющим*, они одновременно с этим оказываются и чем-то *ограничивающим* предмет. В этом смысле «совокупность свойств “ограничивает” предмет во всех отношениях, которые для него в качестве конституированного согласно природе целого являются возможными» [Ibid., 92]. Из этого положения вытекают два следствия. Во-первых, бытийная автономия предмета сводится к тому, что принадлежащие ему свойства являются имманентными. Вследствие этого область бытия предмета «простирается» лишь в тех пределах, в каких он определен по своим свойствам. Напротив, где имеются не принадлежащие ему свойства, там располагается внешняя по отношению к его бытию сфера существования. Следовательно, «...между предметом и всем тем, что к нему не относится (соответственно, не принадлежит его природе) и что также не составляет его (потенциальную) часть, лежит бытийный разрыв, дискретность, которая не может быть преодолена: тут пролегает только “граница”» [Ibid.]. Во-вторых, ограничение предмета собственными определениями и природой касается того, что его свойства исключают из сферы бытия все те моменты, которые либо вместе с уже имеющимися в нем качествами не способны образовать единое целое, либо являются их отрицанием. Другими словами, новые свойства по своей материи должны быть совместимы с материей уже принадлежащих предмету качеств.

С «основной предметной формой» реального предмета связаны также некоторые «формальные моменты», которые являются характерными конститутивными элементами как для его структуры, так и для его индивидуальности и бытийной автономии. Предмет, как уже было отмечено, всегда обладает некоторым множеством свойств, каждое из которых по отдельности является лишь частичным его определением. В то же время взятые вместе с конститутивной природой они составляют «*полное определение*» предмета. В нем невозможно отыскать, по словам Ингардена, каких-либо «участков неопределенности» (die Bestimmungs-lücke) или «пустых мест». «Материи свойств предмета всегда так подобраны, что они в своей совокупности не нуждаются в дополнении» [Ibid., 67]. В результате этого предмет достигает «полной определенности» (die Vollbestimmtheit) и превращается в самодостаточное целое. «В совокупности присущих ему свойств и собственной природы предмет является полностью самим собой» [Ibid., 94]. В своей полной определенности и целостности, подчеркивает Ингарден, индивидуальный предмет остается последним, более не дифференцируемым выражением сущего как такового.

Благодаря тому, что предмет есть полностью определенное целое, он оказывается одновременно с этим «*отграниченным*» со всех сторон от окружающих его вещей и формально «*завершенным*». «В образующих его материях не имеется никакого непрерывного

перехода к другим предметам, а также не существует формы, охватывающей его и материю каких-либо других предметов» [Ibid., 67]. В итоге реальный предмет представляет собой во всех отношениях определенную, завершенную и обособленную область бытия, внутри которой он, несмотря на многообразие присущих ему свойств, является «конкретным и неделимым единством» [Ibid., 68]. С этими формальными моментами связана не только индивидуальность, но и бытийная автономия. Последняя, по Ингардену, выступает экзистенциальным выражением того формального обстоятельства, что предмет характеризуется как завершенное, ограниченное и замкнутое индивидуальное существование.

К числу формальных моментов «основной предметной формы» Ингарден относит и ее «простоту» (*die Einfachheit*). Особенно очевидным это становится при сравнении с интенциональным предметом. Как будет видно из дальнейших рассуждений, данного рода предметность отличается сложной («двойкой») структурой: с одной стороны, она обладает интенциональным содержанием, с другой стороны, свойствами и чертами, которые выделяют ее в качестве интенционального образования. Конституция индивидуального предмета, напротив, не имеет подобного типа строения. По отношению к реальной предметности речь идет в первую очередь о «простой» по своей форме структуре. Так как предмет оказывается «...бытийно автономным и полностью тем, что он есть, то он является, простым по своей форме». [ibid., 69]. Только реальный предмет является «таким простым в своем строении и таким простым по своему определению и бытию», как это есть непосредственно в самой действительности [Ibid., 70].

Последний формальный момент, о котором упоминает Ингарден, касается отношения между внутренним содержанием и внешним проявлением бытия предмета. Формальное строение предмета «складывается» из совокупности присущих ему свойств и субъекта как их носителя. При этом внешне он скрывает в себе, с одной стороны, формальную противоположность между свойствами и субъектом, и с другой — взаимосвязь между ними. Поэтому в некотором смысле он замкнут в себе, скрывая внутри свою структуру. Напротив, то, что «выступает наружу», оказывается часто конститутивной природой предмета, на фоне которой выделяются отдельные его свойства, между тем как все остальные качества и формальная конституция спрятаны внутри. Либо же бывает так, что природа и связанные с ней свойства отступают на задний план на фоне внешних свойств предмета.

Таким образом, реальный предмет представляет собой с формальной точки зрения «простое» в структурном отношении образование. Он не содержит каких-либо «участков неопределенности», и соответственно, является полностью определенным бытием. Он также является самодостаточным, обособленным и завершенным целым. Благодаря своей форме реальная предметность способна существовать автономно и независимо от каких-либо других вещей, включая сознание. Ее бытие, следовательно, есть проявление не только экзистенциальной, но и формальной конституции и неразрывно связанных с ней формальных моментов: «полной определенности», «завершенности», «простоты» строения и «ограниченности».

Совершенно иная ситуация имеет место при рассмотрении формальной структуры *интенциональных* предметов, к числу которых относятся, в частности, эстетические объекты. Их бытие Ингарден характеризует как *гетерономное*, указывая на то, что интенциональное существование не является имманентно определенным. Качества, составляющее содержание гетерономной (интенциональной) предметности, чисто внешние и получены от других предметностей, а именно от интенциональных актов сознания. Поэтому бытие интенциональной предметности — это внешним образом определенное существование, зависящее в своем содержании от сознания. Интенциональные объекты «существуют исключительно в силу того факта, что они проецируются, то есть интендируются, как единства значений», интенциональное бытие которых обусловлено исключительно направленными на них актами сознания [Mitscherling 1997, 136].

Такова экзистенциальная специфика интенционального (гетерономного) способа бытия. Следующий шаг — установить, как это связано с формальным устройством. Первое, что обращает на себя внимание и указывает с точки зрения формы на отличие

интенционального предмета от реального, — это «двоякая» формальная структура. «Всякий чисто интенциональный предмет обладает «содержанием» (den Gehalt), в котором он есть нечто совершенно иное, чем то, что он есть в качестве предметно определенного интенционального коррелята акта интенции». Его «...содержание определяется как не-наглядным содержанием (der unansehnlich Inhalt) относящегося к нему интенционального акта, так и соответствующим модусом момента схватывания его бытия, или моментом полагания бытия, который содержится в акте интенции. Напротив, как коррелят акта он (интенциональный предмет — *примечание мое*) определяется в первую очередь моментом интенции акта, а также модусом осуществления акта» [Ingarden 1964–1965, 211].

Как следует из определения, Ингарден различает в акте сознания следующие аспекты: момент интенции, не-наглядное содержание и признание (полагание) бытия предметности. Момент интенции есть изначальный, ни к чему более не сводимый момент акта сознания, благодаря которому этот акт может быть направлен на тот или иной предмет в качестве своего коррелята. Не-наглядное содержание представляет собой комплекс значений, который придает «смысл» предмету интенции, определяет его форму и материю, а также то, что представляет собой данный предмет, то есть решает, каким интенциональным содержанием он может обладать. Последний момент, момент «признания бытия» предметности, в ходе последующих актов сознания превращается в момент «убежденности в этом бытии». Соответственно, отличающиеся «двоякой» структурой интенциональные предметности, с одной стороны, «...формируются, и следовательно, зависят от сознания, с другой стороны, они обладают содержанием, которое определяет направление и вид предметного отношения» [Rynkiewicz 2008, 268].

Чтобы пояснить сказанное, в качестве примера Ингарден приводит стихотворение Рильке «Песня прокаженного» из сборника «Книга образов». С учетом сложности описываемого интенционального объекта Ингарден предлагает ограничить анализ свойствами и элементами стихотворения, которые он называет «часть-комплекс» (der Teilkomplex), то есть тем, что, по его выражению, составляет интенционально намеренную «действительность» данного эстетического произведения. Сюда относятся, с одной стороны, образующие текст стихотворения слова (слова лирического героя), с другой стороны, то, о чем сказано в этих словах (отношение лирического героя и окружающего его мира), а также то, что выражается через них (чувства и ощущения лирического героя). Взятые вместе они образуют внутренне связанное и единое интенциональное целое, или «интенциональную действительность», которая и составляет «содержание» интенциональной предметности.

В то же время, как отмечает Ингарден, ни один из перечисленных аспектов «интенциональной действительности» не является реальным: ни слова лирического героя, ни описываемые им взаимоотношения с окружающими его людьми и миром, ни выражаемые им в связи с этим переживания. Все это только «видимость», пишет он. Видимость «реального», «истинного», «самоприсутствующего» бытия. Поэтому здесь «речь идет исключительно о «вымысле» в смысле целого, которое представляется в отдельных интенциональных актах» [Ingarden 1964–1965, 215]. Стихотворение — это всего лишь продукт творческой деятельности поэта, направленной на создание вымышленной «интенциональной реальности». Источник и фундамент ее бытия находится исключительно в актах сознания. Сам по себе интенциональный предмет ничего собой не представляет, так как всё, чем он обладает, соответственно, чем он был «наделен» в акте сознания, также не является реальным. Реальное в этом месте отождествляется у Ингардена с имманентным, поскольку только имманентно определенный предмет способен существовать реально. Все же свойства интенционального предмета внешним образом «вложены» в его содержание, вследствие чего его бытие — лишь «видимость» реального существования.

Такова одна из сторон интенциональной предметности, которая называется «содержанием». Вторую Ингарден обозначает как «интенциональную структуру» предметности, она же интенциональная предметность как таковая. Всякий интенциональный предмет представляет собой, с одной стороны, субъект собственного интенционального содержания,

с другой — в качестве интенциональной структуры — субъект свойств, благодаря которым он является еще одним типом бытия наряду с реальным и идеальным существованием. То, что представленный в содержании интенциональный предмет только «наделяется» свойствами в акте сознания, связано, в свою очередь, с интенциональной структурой самой вещи. Поскольку интенциональная предметность как таковая способна иметь различные свойства, в данном случае «обладать интенциональным содержанием», постольку с формальной точки зрения она обнаруживает в себе формально-онтологическую форму. В этом смысле «чисто интенциональный предмет как таковой в формальном отношении является индивидуальным предметом, однако с тем сущностным отличием, что предметная форма I (понятие формы в формально-онтологическом смысле. — Д.Ш.) присутствует только с одной «стороны» этого предмета и всей его формы не исчерпывает; так как к ней еще относится «двойкость», а также возникновение второго субъекта свойств — на этот раз как особого формального момента содержания, который по отношению к другим моментам этого содержания «выполняет» функцию субъекта» [Ibid., 217]. Поэтому, по словам Ингардена, оба субъекта свойств интенционального предмета не являются равноценными. «Настоящим» субъектом считается только интенциональная структура, следовательно, интенциональный предмет как таковой. Она охватывает весь интенциональный предмет, включая и его содержание, поскольку «иметь содержание» — одно из свойств интенционального предмета, свойство, носителем которого выступает именно «настоящий» субъект предмета. «Второй» субъект, то есть взятый в формальном смысле предмет интенционального содержания, напротив, образует исключительно формальный момент этого содержания и исполняет, как было сказано, лишь функцию субъекта по отношению к остальным моментам интенционального содержания.

Еще одна формальная особенность интенциональной предметности затрагивает ее интенциональное содержание, которое во многих деталях остается *неопределенным*. В содержании интенциональных предметов имеются так называемые «места неопределенности». Выше уже отмечалось, что реальные объекты во всех аспектах своего бытия являются полностью определенными. Их форма такова, что не оставляет никакой «пустоты». В отличие от этого «чисто интенциональный предмет в своем содержании всегда, то есть согласно своей сущности, является в различных отношениях полностью неопределенным, он указывает на места неопределенности» [Ibid., 219]. Только те моменты его содержания являются определенными, которые «через однозначные интенциональные моменты не-наглядного содержания соответствующих актов интенции интенционально намечены» [Ibid., 220]. Все остальное, что только подразумевается или лишь является имплицитным в не-наглядном содержании акта сознания, остается в содержании интенционального предмета полностью неопределенным.

Наличие данного рода «пробелов», «пустых участков» объясняется тем, что «не-наглядное содержание простых актов интенции в своих эксплицитных интенциональных моментах является всегда *конечным*, даже в том случае, если акт тесным образом связан с многообразием интенций сознания, направленных на тот же самый интенциональный предмет». Содержащиеся в акте интенциональные моменты, со своей стороны, «связаны с бесконечным множеством предметных моментов» [Ibid.]. Когда же эти интенциональные моменты «вкладываются» в содержание предмета, то они окружают его «горизонтом предметных моментов», который остается «незаполненным», в результате чего в содержании интенционального предмета появляются «места неопределенности».

Если вновь обратиться к стихотворению Рильке, то в нем речь идет о страдающем долгое время от болезни человеке, который, будучи забытым и оставленным всеми, жалуется на свою судьбу. Таким он видится в общих чертах, пишет Ингарден, исходя из самого стихотворения. Все остальные свойства, которые не упоминаются в тексте, но могут быть присущи лирическому герою (основываясь на том, что уже известно о нем), оказываются лишь намеченными в акте интенции и не принадлежат собственно к его содержанию. Вместо этого они лишь «соподразумеваются» и образуют «горизонт» или «обрамление» интенционального предмета. Вследствие этого многие стороны интенциональной реальности остаются открытыми для определения и

конкретизации. Более того, даже если в качестве примера взять какое-нибудь крупное литературное произведение, скажем, роман, который часто включает в себя подробное описание действующих лиц, то даже здесь описание не будет полным и исчерпывающим. Это связано не только с комплексным характером содержания интенциональной предметности, но опять же с тем, что акт интенции является по своей природе конечным. «Места неопределенности», пишет Ингарден, «возникают из противоположности между конечностью интенциональных моментов актов интенции (соответственно, их конечного многообразия) и бесконечностью, присущей относящимся к установленной индивидуальности предмета (согласно его содержанию) определениям» [Ibid., 222]. Конечный характер интенционального акта в его содержании подразумевает, что интенциональная реальность художественного произведения никогда не может быть определена без остатка как со стороны самого автора, так и со стороны читателя. Эстетическое восприятие не обладает способностью охватить весь текст целиком и дать исчерпывающее определение содержащихся в нем предметов.

В другом месте, говоря о различных категориях трансцендентности в целом и понятии «трансцендентности полноты бытия» в частности, Ингарден также указывает на то, что интенциональная предметность во всех аспектах ее содержания не может быть однозначным образом определена в отдельно взятом акте сознания. В актуальном акте даны лишь некоторые аспекты интенционального предметного содержания, но никогда не их полная совокупность. Поэтому «полнота бытия», заключающаяся в бесконечном многообразии относящихся к содержанию интенционального предмета моментов и определений, неисчерпаема в конечных по своей природе интенциях. «Полное содержание чисто интенционального предмета, взятое со всеми его местами неопределенности», соответственно, «полнота бытия», является трансцендентным по отношению к соответствующим отдельным актам сознания [Ibid., 227]. Иначе говоря, содержание интенционального предмета не тождественно содержанию акта сознания. В противном случае, отмечает Ингарден, все свелось бы к чистому психологизму. Напротив, в дальнейшем существование интенциональной предметности будет определяться как реальным бытием, так и идеальным, а также другими направленными на нее интенциональными актами сознания, что делает ее бытие в то же время экзистенциально самостоятельным.

Важно отметить, что в рассуждениях о «местах неопределенности» Ингарден опирается на идеи Гуссерля касательно природы сознания, горизонта как важного свойства интенционального переживания, и на его соображения относительно тематизируемых и нетематизируемых участков восприятия. Так, анализируя восприятие, Гуссерль отмечал, что актуальный опыт всегда остается открытым, даже несмотря на его ограниченный характер. В опыте восприятия постоянно происходит наполнение и актуализация интенциональных импликаций, составляющих «поле» нетематически данных содержаний, «поле подразумеваемых переживаний». В этом же смысле Ингарден, говоря об интенциональном содержании на примере художественного текста, указывает, что в нем непременно присутствуют как тематизируемые участки, наполненные через интенциональные моменты содержания акта интенции, так и нетематизируемые, оставляющие место для последующего их наполнения и экспликации.

Таким образом, подчеркивает Ингарден, «места неопределенности» принципиально неустраиваемы и число их бесконечно, пока «...чисто интенциональный предмет как нечто индивидуальное будет полагаться в своем содержании через соответствующие моменты содержания относящихся к нему актов интенции» [Ibid., 222]. «Участки неопределенности» выступают в роли перспектив и указаний, в направлении которых в последующих актах интенциональный предмет может быть «доопределен», однако, по словам Ингардена, никогда не достигнет полного и окончательного определения. «Индивидуальный, бытийно гетерономный интенциональный предмет всегда находится в середине процесса конституирования, который продолжается в следующих друг за другом актах, но принципиально никогда не может быть закончен» [Ibid., 223].

В этом обнаруживается еще одно принципиальное формальное отличие интенциональной предметности от реальной. Существование реального предмета — это

законченное и завершённое бытие благодаря совокупности присущих ему имманентных свойств и природы, в то время как интенциональный предмет в своем содержании пребывает незаконченным, ожидая конкретизации и уточнения в бесконечных сериях актов сознания. Более того, если с завершенностью реального предмета связана его бытийная «отграниченность» («обособленность»), в результате чего он представляет собой самодостаточное и замкнутое целое, то неопределенность, соответственно, незаконченность интенционального бытия становятся причинами его «открытости» и зависимости от сознания. Быть объектом интенции, бытием «для» — это неотделимая от природы интенционального бытия черта. Его существование — это всегда обращенное в сторону сознания бытие, требующее направленности акта интенции на себя. Существование реального предмета, напротив, — это бытие в себе, бытие, не зависящее от какого-либо сознания. Следовательно, интенциональная установка относится лишь к определенному кругу предметов, которые в своем бытии в результате формального устройства являются коррелятами интенций сознания.

Следовательно, делает вывод Ингарден, между реальным (автономным) и интенциональным (гетерономным) бытием существует формальная противоположность: с одной стороны, это формальная «простота», «полная определенность», «завершенность» и «обособленность», с другой — «сложность» в формальном устройстве («двойность» структуры), «неопределенность», «незаконченность» и «открытость». Все эти формальные различия, в свою очередь, обосновывают бытийное отличие между данными способами существования: реальное бытие как экзистенциальное выражение имманентной определенности предметности, интенциональное бытие — как проявление отсутствия имманентной определенности. В итоге экзистенциальные и формальные различия между реальным и интенциональным бытием дают Ингардену основание указать на несостоятельность гуссерлевского отождествления предметов реального мира с интенциональными. Каждый их данных модусов бытия образован не сводимыми друг к другу экзистенциальными и формальными моментами. С учетом этого, по мнению Ингардена, «трансцендентальный идеализм» Гуссерля в «Идеях I», трактующий «бытие» как категорию, полагаемую сознанием, прав лишь в отношении интенционального существования, но не реального бытия.

Источники — Primary Sources

Ingarden, Roman (1964–1965) *Der Streit um die Existenz der Welt*, Bd. II/1, II/2, Max Niemeyer, Tübingen.

Ссылки — References in Russian

Штыков 2016 — Штыков Д.Р. Категориальная система экзистенциальной онтологии Романа Ингардена // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 181–191.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 5. P. 185–195

Substantiation of the difference between the real and intentional being in the ontology of Roman Ingarden

Dmitry R. Shtykov

The article is dedicated to the consideration of the thesis about the formal distinction between real and intentional being in the phenomenological ontology of Roman Ingarden. For this purpose in this work it's represented Ingarden's comparative analysis of the "basic form" of real objectivity and the "dual structure" of intentional entity. Also the "formal moments" associated with the constitution of real and intentional objectivities are considered: formal simplicity/ complexity, full determinacy/spots of indeterminacy, insularity/openness, completeness/ incompleteness. On the basis of this analysis Ingarden concludes

that a formal distinction between real and intentional existence confirms the thesis advanced earlier in the framework of existential ontology about the existence between given types of existence also the being difference connected with their existential structure.

KEY WORDS: formal ontology, basic form, dual structure, formal moments, spots of indeterminacy

SHTYKOV Dmitry R. – Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

Postgraduate, Department of History of Philosophy.

dshtikov@gmail.com

Received on December 1, 2018.

Citation: Shtykov, Dmitry R. (2019) “Substantiation of the difference between the real and intentional being in the ontology of Roman Ingarden”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2019), pp. 185–195.

DOI: 10.31857/S004287440005067-8

References

Mitscherling, Jeff (1997) *Roman Ingarden's Ontology and Aesthetics*, University of Ottawa Press, Ottawa.

Rynkiewicz, Kazimierz (2008) *Zwischen Realismus und Idealismus. Ingardens Überwindung des transzendentalen Idealismus Husserls*, Ontos, Ebikon etc.

Shtikov, Dmitry R. (2016) “The Categorical System of Roman Ingarden's Existential Ontology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2016), pp. 181–191 (in Russian).

Swiderski, Edward (1975) “Some Salient Features of Ingarden's Ontology”, *Journal of the British Society for Phenomenology*, Vol. 6, No. 2, pp. 81–90.

Tymieniecka, Anna-Teresa (1976) “Beyond Ingarden's Idealism/Realism Controversy with Husserl – The New Contextual Phase”, *Analecta Husserliana*, Vol. 4, pp. 241–418.